

К 1125-летию Новгорода

В. А. НИКИТИН (Москва)

СЛАВА И ЩИТ РУСИ (Новгород Великий в X—XV вв.) *

VI. Рост города, храмоздательство и усиление Новгорода в XII—XIII вв.

Церковное зодчество (храмоздательство) было и считалось на Руси особенно богоугодным делом, как и вклады на помин души, которыми обеспечивались заупокойные молитвы и панихиды. По образному выражению историка В. О. Ключевского, «древнерусскому человеку вообразить себя на том свете без заказного поминовения было так же страшно, как ребенку остаться без матери в незнакомом, пустынном месте» (цит. по: 40, с. 89). Самим назначением своим храм («Дом Мой домом молитвы наречется». — Ис. 56, 7) напоминал о его прообразе — рае, где ничто не препятствовало прародителям лицезреть Творца... С Боговоплощением само Небо сошло на землю, Господь Иисус Христос утвердил новозаветный храм, основал истинную, необоримую Церковь (Мф. 16, 18). Сионская горница, в которой Спаситель мира совершил таинство Святой Евхаристии (Лк. 22, 19), явилась, собственно говоря, первым в истории человечества новозаветным храмом.

В IV веке, когда победившая Церковь вышла из катакомб, образцом для христианских храмов она избрала базилику — прямоугольное здание с колоннами внутри, символизирующее плывущий корабль (ковчег).

Древняя Русь приняла христианство из Византии, откуда заимствовала и храмовое зодчество, и богослужение, столь пленившее в Софийском соборе Константинополя послов великого князя Владимира († 1015). Довольно быстро храмовое зодчество на Руси обогатилось чертами национального стиля, стало глубоко самобытным. Своеобразие русского зодчества — многоглавие храмов — выявилось уже в конце X века: один из первых храмов, воздвигнутый после Крещения Руси, деревянный собор в Новгороде во имя Софии, Премудрости Божией (989), имел тринадцать глав (многоглавыми были и другие древнерусские храмы: Успенский и Софийский в Киеве, Софийский в Полоцке, святого Архистратига Михаила в Киеве и т. д.). В то время как готические шпили воплощают неудержимое стремление ввысь, а византийский купол изображает собою небесный свод, русские многоглавые храмы, увенчанные «луковицами», напоминают трепетные пламя свечи. Наша отечественная «луковица», по мнению Е. Н. Трубецкого, воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения, духовного восхождения к Небесам, чрез которое земной мир становится причастен потустороннему («Умозрение в красках». М., 1916, с. 16). Русский храм является прообразом грядущего преображенного и обожженного мира, объемлющего и ангелов, и человеков, и всякое дыхание земное. Этим идеалом теозиса вдохновляются не только церковное зодчество, но и русская иконопись, и всё православное богослужение, представляющее некий наиболее возвышенный и духовно действенный синтез: «...В самом храме заключается совокупность всех искусств, т. е. искусство в его высшей, религиозной форме. Храм есть подобие всего мира, но мира, в котором нет смерти, в котором все воскрешено, хотя лишь и художественно только, ибо для Бога нет мертвых в действительности, а все живы...» (Н. В. Федоров. Философия Общего Дела. Т. I. Верный, 1906, с. 702); «В храме, говоря принципиально, всё сплетается со всем: храмовая ар-

* Продолжение. Начало см. в «Богословских трудах», сб. 25, с. 276—320.

хитектура, например, учитывает даже такой малый, по-видимому, эффект, как вношение по фрескам и обвивающие столпы купола ленты голубоватого финиша, которые своим движением и сплетением почти беспредельно расширяют архитектурные пространства храма... Синтез храмового действия не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию...» (Священник Павел Флоренский. Храмовое действо как синтез искусств.— «Маковец», 1922, № 1, с. 31): «Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже... / Лампад пунцовых блиск, и тихий возглас: «Боже»... / Забил поток лучей расплавленных в окно... / Всё просветлилось вдруг, все солнцем зажжено. / И «Свете Тихий» с клиросов воззвали, / И лики золотом пунцовым заблестали. / Восторгом солнечным зажженный иерей, / Повитый ладаном, выходит из дверей» (А. Белый).

У молящихся в храме, предстоящих с верой и любовью, отложив все житейские попечения, как бы сами собой отверзаются уста для благодарения и хвалы Богу, храм предстает им как путь горного восхождения во вновь обретаемый рай, свободный от греха и смерти, сулящий мир и блаженство; сердце невольно замирает, а душа возносится горé: «Господи Сил, с нами буди». В свою очередь, Церковь постоянно молится о предстоящих в храме, ежедневно возглашая за Божественной литургией: «О святем храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оны, Господу помолимся» (великая ектения).

Строить, созидать храм — дом Господень, дом молитвы, дом спасения — поистине дело Богоугодное. Новгород Великий в течение всей своей средневековой истории предстает как обширное поприще для храмоздательства.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных памятников новгородской архитектуры, следует подчеркнуть следующее. Весьма распространенное представление о том, что древнерусские зодчие строили, так сказать, «на глазок», без особых математических расчетов, совершенно несостоятельно. Как показали исследования последних лет, русские зодчие превосходно знали математические пропорции («золотое сечение», числовые ряды Фибоначчи, отношения типа $a : a$ корень квадратный из 2 и т. п.) и умело их применяли, пользовались в своих расчетах своеобразными графиками. Каждая постройка на Руси, справедливо отмечает академик Б. А. Рыбаков, — была «воплощением строгой математической системы, которая определяла формат кирпичей, толщину стен, радиусы арок и, разумеется, общие габариты здания» (45, с. 15).

Архитектор А. А. Пилецкий, изучая древнерусское зодчество, в частности, математические закономерности архитектурных форм и композиций, установил много интересных особенностей и характерных черт. Выяснилось, например, что принципы построения форм древнерусской архитектуры восходят к живой природе, а свойственные ей закономерности оказываются сходными с закономерностями в биологии: «Симметрии древнерусской архитектуры перекликаются с биосимметриями; особенности ее пространства — с биопространствами; столь же сходны их математические и пропорциональные структуры» (35, с. 43).

Древнерусские зодчие прекрасно разбирались в весьма сложных числовых структурах, успешно использовали методы их применения при возведении храмов на необъятных просторах Новгородской земли. Анализ конкретных памятников церковного зодчества свидетельствует о том, что все эстетически совершенные виды их архитектурных пропорций выражаются через величины золотого сечения, так как количества рядов кладки достаточно большие и соотношения их приближаются к соответствующим значениям золотой прогрессии. Особенно интересно, что все членения в памятниках храмового зодчества оказываются, как правило, трехчастными, в соответствии с трехчастностью человеческого тела. Применявшаяся древнерусскими зодчими геометрия относится к конформной, проективной и другим видам неевклидовой геометрии, поэтому пространства храмов «по своей структуре были конформно симметричными человеку, что практически означает соответствие глубинным потребностям человека» (там же, с. 47).

В 1970 году при раскопках в Новгороде близ Ярославова двора, неподалеку от храма Параскевы (1207 г.), был найден в слоях начала XIII века деревянный брусок с мерными зарубками в трех шкалах (см.: 23). Академик Б. А. Рыбаков, рассмотрев 21 деление на этом мериле в сопоставлении с древнерусскими мерными сажениями и числом π , пришел к выводу, что данный предмет является специальным инструментом — мерилом новгородского зодчего, употреблявшимся при сооружении новгородских храмов и других зданий. Анализ размеров центральной апсиды храма Параскевы позволяет заключить, что это мерило использовалось, по всей вероятности, непосредственно при строительстве данного храма¹.

Дальнейшие археологические изыскания подтвердили наличие в новгородском средневековом обиходе и других подобных предметов, сделанных точно в определенную

меру: цепей и цепочек, особых матерчатых лент, края которых закреплялись сургучом, и т. п.

Некоторые из этих мерил были точными эталонами. Г. М. Штендер подтвердил мнение П. Саввантова*, высказанное еще в прошлом веке, что таким эталоном является матерчатая лента, хранившаяся в ризнице Софийского собора в Новгороде как мера Гроба Господня. Эта лента была привезена в 1211 году из Константинополя новгородским боярином Добрыней Ядрейковичем (впоследствии — архиепископ Новгородский Антоний, 1211—1220 и 1225—1229, автор хождения «Книга паломник») (18, с. 87—88).

* * *

Новгородская 1-я и Новгородская 2-я летописи довольно много и подробно повествуют о строительстве новгородских храмов, а Новгородская 3-я летопись даже названа «Книгою, глаголемою Летописец новгородский вкратце церквам Божиим, в которое лето которая церковь во имя строена, и при котором епископе или архиепископе или митрополите...» (9, с. 97—98).

Летописец тщательно отмечает, можно сказать, регистрирует, когда был построен тот или иной храм, когда он подвергся ремонту, был обновлен или перестроен. Пристальное внимание летописца к новгородскому храмоздательству представляет особый интерес для историков древнерусского церковного зодчества. Начало этим свидетельствам положено в 989 году: «Постави владыка епископ Иоаким первую церковь древнюю дубовую Святыя Софин, имуши верх [глав] 13...» (1).

Софийский собор в Новгороде — первый Софийский храм на Руси — был воздвигнут в 989 году по благословению епископа Новгородского Иоакима Корсуянина († 1030, память 10 февраля). Это был грандиозный деревянный храм «о тринадцати верхах», освещенный, как и одноименный храм в Константинополе, во имя Софин, Премудрости Божией. Он свидетельствовал о том, что Русь как бы унаследовала всемирную задачу от Константинополя — второго Рима: соборное объединение мира христианского и умиротворение мира языческого. Софийские храмы были впоследствии построены во многих русских городах — от Киева (989—996 гг.) до Тобольска в Сибири (XVI в.). «Храмы Софийские, — подчеркивает В. А. Кожевников, — предназначались для поддержки связи и родства с духовным и государственным заветом Византии о всемирном братстве и соборном объединении единовременных, воплощали собой чествование высшей мысли, высшей мудрости в смысле христианском; они вешали, что высшая мудрость состоит в спасении всего мира, в устанвлении мира всего мира» (8).

Софийский деревянный собор, это чудо плотнического искусства, до нас, к сожалению, не дошел — храм сгорел во время пожара 4 марта 1045 года (6, с. 8).

Храм этот стоял над рекой Волховом, у древнего Волховского моста (теперь здесь находится восточная кремлевская стена, построенная позднее). Некоторые исследователи считают, что деревянный Софийский собор находился внутри стен первоначального Кремля (Детинца), другие — что он был за его пределами (36, с. 11—12).

На месте сгоревшего Софийского храма новгородский купец, былинный герой Садко построил в 1167 году храм во имя первых канонизованных Русской Церковью святых — братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба. Как отмечает М. В. Муравьев, событие это не только упоминается в новгородских летописях, но дошло до нас и в поэтическом былинном пересказе (11, с. 26).

Становление и первоначальный рост Новгорода, как и большинства древнерусских городов, были связаны с Кремлем (Детинцем) — центральным укрепленным ядром. Первые летописные свидетельства о Новгородском кремле относятся к 1044 году: «В лето 6552 (1044) ходи великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и дела на Софийской стороне каменный город». Здесь же следует отметить, что деревянный Кремль в Новгороде существовал еще ранее, в X веке (судя по результатам археологических раскопок 1956 года).

В 1045—1052 годах, при святом князе Владимире Ярославиче, по благословению святителя Новгородского Луки († 1060, память 10 февраля) был возведен нынешний каменный Софийский собор, ставший главной святыней Новгорода. «В Новгороде уже при строительстве Софийского собора, — отмечает П. А. Раппопорт, — в значительно большей степени, чем в Киеве, применяли естественный камень (известняковую плиту). — камень, в изобилии имеющийся на Новгородской земле, чрезвычайно дешевый и удобный для кладки (благодаря своей слоистости)» (19, с. 32).

* См.: П. Саввантов. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872, с. 134.

Собор был освящен святителем Лукой 14 сентября 1052 года (7). Являясь средоточием Новгородского Кремля (Детинца), Софийский собор и поныне главенствует в панораме города. Золотой купол собора, видный издали, увенчан крестом с голубем — символом Святого Духа. Былинной силой веет от этого собора, мощь и суровая простота которого величественны и непередаваемы:

«Он весь — тугая соразмерность,
Соотношение высот,
Ассиметрия, тяжесть, верность
И сводов медленный полет»

(Вс. Рождественский)

Как и западноевропейские кафедральные храмы, Софийский собор в Новгороде использовался не только для богослужений, но являлся своего рода дворцовым сооружением, где совершались различные государственные акты и торжественные церемонии, в частности, объявлялись указы, назначения на высшие государственные должности, проходили дипломатические приемы. В соборе размещались казна, библиотека и архив Новгорода, а также метрическая палата (хранились образцы мер и весов). Собор служил также своеобразным пантеоном: в нем хоронили епископов, князей, знаменитых посадников (37, с. 3).

«Где Святая София, тут Новгород», — говорили новгородцы (Новгор. 1-я летопись, под 1215 годом). Под звон колоколов Софийского собора на площади перед ним собиралось вече, устраивались проводы и встречи воинов. «Умрем честно за святую Софию!» — восклицали, согласно летописи, патриоты Новгорода, когда готовились к ратным подвигам.

Строили и украшали Софийский собор русские мастера и иконописцы вместе с константинопольскими, специально для этого приглашенными, — «церковь сию устроиша весьма прекрасну и превелику». Роспись собора была закончена в 1108 году, а притворы расписаны еще позднее — в 1144 году. От этой росписи сохранились: изображение Вседержителя в куполе собора*, ангелы и серафимы — в главном трибуне, а ниже их, в простенках окон барабана, — пророки; кроме того, сохранились фрески с изображениями святых равноапостольных Константина и Елены на одном из пиллястров Мартирьевской палерты (11, с. 15—16)².

На стенах Софийского собора сохранились процарапанные надписи (граффити) с именами новгородских иконописцев XI—XII веков: Георгия, Сежира, Стефана, Микулы, Радко. Известны также имена других новгородских художников: Алексия, автора миниатюр «Мстислава Евангелия» (начало XII в.), зодчего Петра, скульптора-литейщика Авраама (XIII в.), мастеров прикладного искусства Братилы и Косты, автора Липненской иконы святителя Николая Чудотворца Алексия Петрова (1294), иконописца Аарона (первая половина XV в.) и т. д.

В 1978 году археологи раскопали в Новгороде усадьбу иконописца Олисея Петровича Гречина, греческого священника. «Присутствие в Новгороде в конце XII века художника-грека не только не удивительно, — пишет Г. К. Вагнер, — но очень показательно. В это время очень укрепилась связь Новгорода с Византией...» («Советское искусствознание — 1981», вып. 2. М., 1982, с. 343, — рецензия на [34]).

В своей статье «О росписи Софии Новгородской» академик В. Н. Лазарев сопоставляет фрагменты росписи, уцелевшей от искажений (фигуры архангелов и пророков), с византийскими памятниками и делает вывод об их несомненной стилистической близости. Новгородские храмы и в архитектурном отношении имеют, безусловно, немало общего с византийскими.

Некоторые исследователи из Армении и Грузии отмечают также определенное сходство церковной архитектуры Новгорода и Закавказья. Армянские искусствоведы высказывали предположения, что знаменитые фрески храма Спаса на Нередице выполнены армянскими иконописцами, так как среди фресок имеются изображения армянских святых: святой мученицы Рипсимии и святого Григория, Просветителя Армении. Здесь, однако, следует оговориться, что имена этих святых взяты из византийских святцев и включены в русские месяцесловы с древних времен (17, с. 36). В любом случае связь Новгорода с Константинополем позволяли новгородским мастерам использовать художественное наследие эллинистического мира, вмещавшего некогда Армению и Грузию.

Результаты искусствоведческих исследований за последние десятилетия показали

* Фреска была уничтожена немецким снарядом во время Великой Отечественной войны. — В. Н.

также наличие весьма активных и многообразных связей между Новгородом и Западной Европой. Выяснилось, что эти связи существовали еще до татаро-монгольского нашествия, в XII — первой половине XIII в. По мнению академика В. Н. Лазарева, древнерусское и западноевропейское средневековое искусство находились в процессе сложного диалектического взаимодействия: периоды их сближения и взаимовлияния сменялись периодами отделения и отчуждения. Рассматривая, например, отдельные романские элементы в архитектуре Софийского собора в Новгороде, В. Н. Лазарев указывает на их трансформацию и переосмысление в новом контексте (27, с. 228—231).

До наших дней дошло не менее тринадцати памятников новгородского церковного зодчества X—XIII веков, десять из которых почти полностью сохранились. Это примерно 1/3 всех полностью сохранившихся памятников русской архитектуры домонгольского периода. «Ни в каком другом районе древнерусской территории нет такого количества уцелевших построек домонгольской поры», — подчеркивает современный исследователь (39, с. 189).

Начиная с XII века новгородские летописи почти ежегодно сообщают сведения о закладке, строительстве, росписи и перделке храмов на Новгородской земле.

Новгородский монах XII века иеродиакон Кирик (род. в 1110 году), выдающийся древнерусский математик, сравнивал рост родного города с умножением знания: «Как понемногу создается город и делается большим, так и знание понемногу растет» (Цит. по: Р. А. Симонов. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980, с. 98—99).

В 1106 году, при Новгородском князе Мстиславе Владимировиче и епископе Новгородском святителе Никите, преподобный Антоний Новгородский († 1147), выходец из Рима, чудесным образом перенесенный во время молитвы в Новгород, основал здесь монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. На месте первоначально устроенной им деревянной церкви преподобный Антоний в 1117 году заложил каменный соборный храм в честь Рождества Богородицы (см. 5, с. 455—473). Исследователи обращали внимание на некоторые архитектурные особенности Рождественского собора Антониева монастыря: здесь впервые встречаются восьмигранные и прямоугольные в сечении столбы, отсутствуют декоративные ниши на фасадах, а в кладке стен использован толстый брусковый кирпич. Недавние изыскания, проведенные Г. М. Штендером и В. М. Ковалевой, однако, привели к неожиданным выводам: оказалось, что все западное членение древнего храма, включая башню, пристроено к собору несколько позднее, хотя, возможно, в пределах того же XII века. Следовательно, первоначальный храм был четырехстолпной одноглавой постройкой, «первым зданием такого типа в ряду известных ныне в новгородском зодчестве» (33, с. 102).

Мстислав Владимирович († 14 апреля 1132), впоследствии святой благоверный великий князь Киевский, в период своего княжения в Новгороде заложил на Городище храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (1099), а также храм во имя святителя Николая Чудотворца и каменный пятиглавый Николо-Дворнищенский собор (1113). Этот собор стал архитектурным центром Торговой стороны, на правом берегу Волхова. При этом, благодаря удивительному мастерству русских зодчих, он не только не оказался противопоставленным Софийскому собору на левом берегу Волхова, но оказался вместе с ним в едином монументальном архитектурном комплексе: «Композиционно ансамбли были взаимно связаны и объединили в единое целое обе части города, а река стала как бы внутригородской магистралью» (36, с. 13).

В 1116 году, после успешного похода на чудь, святой благоверный князь Мстислав Владимирович обновил новгородскую крепость — «заложил Новгород болий първого», то есть значительно расширил Детинец (Кремль), сделал его каменным.

Сын князя Мстислава святой благоверный князь Всеволод († 11 февраля 1138) правил Новгородом в 1117—1136 годах. Он не только воздвиг множество храмов за эти годы (Среди них особенно значительны собор во имя св. великомученика Георгия в Юрьевском монастыре и храм во имя св. Иоанна Предтечи в Опоках), но и даровал им, а также Софийскому собору льготные грамоты.

Георгиевский собор по своим масштабам и строительному мастерству уступает лишь Софийскому; «своими огромными размерами, смелыми вытянутыми пропорциями, пышными полатами-хорами, на которые ведет лестница в мощной, прямоугольной в плане башне, Георгиевский собор явно напоминает Софию, несмотря на существенные отличия в плане» (31, с. 185—186).

Интересно отметить, что в Новгороде раньше, чем где-либо на Руси (не позднее XI в.), сложилось церковное почитание святого апостола и евангелиста Луки, в честь которого с незапамятных пор стояло по храму на каждой стороне Волхова. Храм во имя святого евангелиста Луки на Софийской стороне дал название Лукиной улице, впервые упоминаемой в летописи в 1113 году (3, с. 20, 73, 204, 283). На Торговой стороне храм во имя святого евангелиста Луки первоначально находился «на Колене».

откуда в 1207 году был перенесен на Лубяницу (3, с. 50, 247). Сведения о существовании храмов во имя святого евангелиста Луки в это время в других русских городах отсутствуют, что позволяет сделать вывод о наличии более тесных связей Новгорода с Византией, где уже давно существовали храмы в честь евангелиста Луки, а также его иконописные изображения³.

В 1100—1130-е годы заказчиком почти всех каменных храмов в Новгороде является князь или его ближайшие дружинники. Храмы в Новгороде строятся почти непрерывно, один за другим: Благовещения на Городище (1103), Николо-Дворнищенский (1113), Феодора Тирона (1115), Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117), Георгиевский Юрьева монастыря (1119), Феодора Стратилата (1120), Иоанна Предтечи на Опоках (1127), Успения на Торгу (1135). Современный исследователь А. П. Кочемеч отмечает, что три новгородских храма, сохранившиеся от этого периода (Николо-Дворнищенский, Георгиевский и Рождества Богородицы) по своей общей композиции восходят к одной архитектурной школе. Более того, «однородность смелых и масштабных решений позволяет даже сделать предположение о работе одной артели зодчих, и притом — артели княжеской» (28, с. 45)⁴.

После окончания этих храмов и монастырей, указывает И. И. Кушнир, определились пять основных архитектурных комплексов Новгорода Великого: 1) Кремль, 2) Ярославово дворще, 3) Антониев монастырь, 4) Юрьев монастырь и 5) городище с храмом в честь Благовещения. «Творческий почерк мастера Петра — строителя Георгиевского собора [первого русского зодчего, имя которого называют летописи] виден и в архитектуре Николо-Дворнищенского собора, и собора Рождества Богородицы, и церкви Благовещения на Городище» (36, с. 15).

Из других памятников церковного зодчества первой половины XII века заслуживает особого внимания храм во имя святого Иоанна Предтечи (в просторечии «Ивана на Опоках»: опоки — куски плитняка, окатанные водой; их гряда выходила на берег из Волхова у храма). Храм этот, построенный в 1127 году князем Всеволодом Мстиславичем, стал приходским храмом купеческой «Иванской общины», торговавшей медом и воском. Дошедший до нас одноглавый храм сохранил многие черты первоначального, так как был бережно реставрирован в 1453—1454 годах святителем Евфимием, архиепископом Новгородским. Храм представляет собой шестистолпное сооружение с тремя апсидами и шпильным покрытием над каждым полукружьем, оформляющим фасады. «Эта церковь, — отмечает И. И. Кушнир, — переходный образец в истории новгородского зодчества: с одной стороны, в ее архитектуре сохраняются традиции парадного княжеского строительства начала XII века, а с другой, намечается тенденция к сокращению объема и упрощению архитектурных форм» (36, с. 16).

В первой половине XII века, в связи с установлением в Новгороде теократической республики (1136) при святителе Нифонте († 21 апреля 1156, память 8 апреля), значение новгородского князя уменьшилось. «Начальником новгородских бояр» стал Новгородский епископ, к которому перешли не только бразды правления, но и земельные владения князя (последний оставался наемным военачальником города) (см. 16, с. 24).

В результате дальнейшее храмоздательство в Новгороде стало осуществляться преимущественно по инициативе епископа.

Примерно в это время (середина XII в.), по мнению многих исследователей, окончательно сложилась самостоятельная новгородская архитектурная школа (см. 38).

Для нее характерны «четырёхстолпные одноглавые храмы, очень простые по композиции, лишенные каких-либо наружных пристроек или галерей» (19, с. 33), с весьма скромным декором. Типичным образцом такого храма является церковь в честь Преображения Господня, построенная в Старой Руссе с помощью новгородских зодчих в 1198 году (30, с. 13).

Последней собственно княжеской постройкой в Новгороде стала церковь Спаса на Нередице (1198) — небольшое по размерам сооружение, удачно поставленное на горе Нередице близ Новгорода. Вместе с другими храмами, воздвигнутыми на окраинах Новгорода или за пределами земляного вала (церковь Благовещения в Аркажах, 1179; церковь Петра и Павла на Синичьей горе, 1185; Кирилловский собор, 1196; храм Ильи на Славне, 1198—1202), этот храм украсил окрестности Новгорода, прекрасно вписавшись в ландшафт севернорусской равнины.

При святителе Нифонте храмоздательство в Новгородской республике значительно расширилось, приобрело большой географический размах: пожеланием святителя Нифонта был сооружен Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове, основаны несколько монастырей на берегах Двины, построен город Хлынов (впоследствии — Вятка, ныне — Киров) в далекой Вятской земле, с храмом в честь Пресвятой Богородицы. «Так осуществлялось апостольское призвание Новгородской Церкви. Бес-

конечные просторы Новгородской земли — от озера Ильмень до Балтийского и Белого морей — украсились множеством монастырей и скитов» (44, с. 264).

Во второй половине XII века Новгороду пришлось несколько раз отстаивать свою независимость в борьбе против притязаний владими́ро-суздальских князей. В 1169 году, узнав о приближении войска владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского, новгородцы спешно возвели вокруг стен древнего Детинца дополнительную стену — острог, о чем сообщает летопись: «Новгородцы стаха твердо о князи Романе, о Мсти-славличи, о Изяславли вьнуце и о посаднице Якуне и устроиша острог около города».

По мнению Н. Г. Порфиридова, развитие оборонительных укреплений Новгорода отличается по сравнению с практикой большинства древнерусских городов: если в них новые укрепления росли концентрически, распространяясь от центрального ядра и постепенно охватывая новые участки, то в Новгороде вслед за Кремлем охватывается валом и острогом весь город: «Рост потребностей и вместе возможностей города шел здесь очень быстро, перескакивая через промежуточные стадии» (14, с. 31).

Вероятно, с этим ростом связано довольно интенсивное строительство монастырей.

В XII—XIII веках в Новгороде и его окрестностях было основано не менее 17 монастырей (см. 10).

В 1192 году был основан преподобным Варлаамом Хутынским (в миру боярин Олекса Михалевиц) Спасо-Хутынский монастырь.

Архиепископ Новгородский Моисей основал несколько обителей: Десятинный, Радоковичский, Богословский на Витке, Лисицкий монастыри.

Известны также отдельные монастыри, основанные концами и улицами города (кончанские и уличанские): Петропавловский на Синичей горе, Варварин, Аркажский, Саввино-Вишерский и другие (40, с. 86). В 1220 году в Аркажском монастыре принял схиму новгородский посадник Твердислав Михалкович.

После летописных сообщений о строительстве храма во имя святого Иакова на Неревском конце (1226) и храма во имя святого Феодора «на воротах от Неревского конца» (1233) в течение нескольких десятилетий, до самого конца XIII века, летописи о подобном строительстве молчат. Нет сомнения, что храмоздательство было прервано вследствие татаро-монгольского нашествия на Русь (хотя орды завоевателей и не дошли до самого Новгорода): «России суждено было спасти нарождающуюся западноевропейскую цивилизацию от татаро-монгольского варварства, от разрушения и военного опустошения не только ценой собственных жертв и страданий, но и ценой ущерба, понесенного ее собственной культурой» (15, с. 69).

Академик Б. А. Рыбаков справедливо полагает, что русские ремесленники, спасаясь от татарской неволи, бежали на свободные земли: в Новгород и Псков, Галич и Холм, отхлынув, таким образом, из районов Суздальского Ополья и Среднего Приднепровья. При этом номенклатура специальностей отнюдь не уменьшилась: мечники, сабельники, бронники (панцирники), щитники, лучники, стрельники, тульники, а позднее пороховых дел мастера и пушечники обеспечивали Русь, свободную от татар, изделиями собственного изготовления (см.: «Ремесло Древней Руси». М., 1948, с. 591—597).

Благодаря этому в XIII веке в Новгороде ремесленное производство, в частности ювелирное ремесло, достигло высокого уровня. В результате археологических раскопок в ряде новгородских мастерских найдено большое количество меди и других цветных металлов (см. 25, с. 66).

По свидетельству Новгородской I-й летописи, около 1270 года Новгороду вновь грозило татарское нашествие (3, с. 89, 320).

Изгнанный новгородцами князь Ярослав Ярославич послал к татарскому хану доверенное лицо — новгородского тысяцкого Ратибора Кляковича, прося помощи у Золотой Орды. Предотвратить татарский поход на Новгород помог князь Василий Ярославич, который поехал в Орду, захватив с собой новгородцев Петрила Рычага и Михаила Пинециничча. Они разуверили хана в «вине» Новгорода (М. Д. *Полубояринова*. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, с. 19—20).

В 1270 году, во время конфликта с князем Ярославом Ярославичем, новгородцы «поставиша острог около города по обе стороны»; таким образом, фортификационные сооружения города были расширены и усовершенствованы.

О больших творческих возможностях новгородских мастеров в этот период свидетельствует и храм Николы на Липне (1292) — единственный сохранившийся памятник русского каменного зодчества XIII века. Воздвигнутый среди безбрежной равнины, к юго-востоку от Новгорода, этот храм, по единодушному мнению исследователей, представляет исключительный интерес для истории русского искусства. При его строительстве была впервые применена новая технология — кладка из волховской плиты

на растворе извести с песком. Эта технология, с использованием кирпича более удлиненной формы, применялась в строительстве до конца XV века. Особенностью храма является его трехлопастное завершение, отказ от посводного покрытия и боковых апсид.

Монолитность храма подчеркивается одной главой и одной (центральной) апсидой (см. 36, с. 22; 43, с. 156). Особенный интерес представляли древние фрески этого храма: «Изображения Борнса и Глеба, многочисленных фигур воинов в верхних поясах росписи, исполненные русскими мастерами, сильно отличаются от форм византийского искусства и дают важный материал для изучения одежды и вооружения новгородских князей XIII в.» (43, с. 157) ⁵.

В конце XIII века Новгород являлся самым большим и самым благоустроенным русским городом, не уступавшим западноевропейским городам, а в некотором отношении (устройство мостовых и водопровода) опережал их. По подсчетам исследователей, Новгород в это время превосходил по своей численности — 30 тысяч жителей — такие города Европы, как Лондон, Гамбург и Гданьск, насчитывавшие по 20 тысяч жителей.

Замечательно, что к этому времени относится оживление связей между Новгородом и Москвой.

В ноябре 1296 года Московский князь святой благоверный Даниил Александрович (основатель Данилова монастыря в Москве) был приглашен на княжение в Новгород: «И послаша новгородци по князя Даниля на Мьскуоу, зовоуще его на столь в Нувьгород на свою отциноу. И присла князь переже себе [то есть прежде себя] сына своего въ свое место именемъ Ивана. А сам князь Даниили того же лета поставиша мость великий чересь Вълхово» (ГИМ, Синод., № 161, л. 260 об. — приписка на служебной Минее конца XIII в.).

Достоверность этого сообщения подтверждена В. А. Кучкиным анализом договорных грамот тверского князя Михаила Ярославича с Новгородом (см.: «Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.» — В кн.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, с. 60). Академик В. Л. Янин на основе анализа ряда сфрагистических памятников, в частности, точной атрибуции свинцовой печати князя Даниила Александровича (найденной в 1979 г. в Новгороде), сопоставляя их с летописями, также считает вышеупомянутое сообщение безусловно достоверным. Княжение святого князя Даниила в Новгороде ученый относит с периоду с ноября 1296 по 1298 год («Летописи и хроники». Сб. статей. М., 1981, с. 154—158), ссылаясь при этом на свидетельство Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей о княжеском съезде во Владимире после приезда в 1296 году ордынского посла Неврюя: «Бысть нелюбие межи [великим Владимирским] княземъ Андреемъ, и Иваномъ Переяславским, и Даниломъ Московским, Михаиломъ Тферским. Приде посол от Орды Олекса и Неврюя, и тогда бысть съезд княземъ в Володимир: Андрею и Ивану, Феодору Ярославскому, Константину, а противу стаща Данило, брат его Михаил и с Переяславци, поделишася великим княжениемъ. И сведоша их на любовь владыка Семион и владыка Измаило, а за малымъ Бог уласт кровопролития и разьехашася кождо в своеси» (2, ч. I, с. 249). «Не представляю,— подчеркивает В. Л. Янин,— каким иным способом можно было поделиться великим княжением, кроме отказа от Новгорода при сохранении владимирского стола» (цит. соч., с. 156).

Эти данные позволяют несколько по-новому взглянуть на взаимоотношения Новгорода и Москвы, смягчив представление (впрочем, довольно предвзятое) об их соперничестве в рассматриваемый период.

Нас в данном случае особенно интересуют сведения о том, что знаменитый мост через Волхов, крупнейший в то время в Европе, был сооружен святым князем Даниилом Московским. Этот мост прочно связал не только Софийскую и Торговую стороны Новгорода, он стал связующим звеном между Северо-Западной и Московской Русью ⁶.

В укреплении взаимосвязей и взаимопомощи Новгорода и Москвы на пути к государственному объединению всей Русской земли можно было видеть залог и надежду ее великого будущего, ее территориальной целостности и державной мощи.

Для Новгорода, как и для Москвы, весь XIII век прошел в напряжении всех сил, в непрерывном отражении военной угрозы со стороны иноземных захватчиков. Если для Москвы эта угроза шла главным образом с востока и юга (Золотая Орда, Крым, степные кочевники), то для Новгорода она постоянно давала о себе знать с севера и запада (шведы, емь [финны], немецкие рыцари).

В конце XIII века, при шведском военачальнике маршале Торкеле Кнутсоне, шведы вновь активизировали свои агрессивные устремления.

Все это вынуждало новгородцев прерывать мирное строительство и заниматься возведением оборонительных сооружений — крепостных стен, башен и различных укреплений (см. 26). «Новгород, как центр крупной части государства, только фор-

мально связанный с Киевским, потом с Владимирско-Суздальским центром русских земель, неизменно продолжал общерусские традиции пограничной обороны, свидетельствующие как о высоте государственного сознания, так и о высоте военной культуры» (14, с. 112).

Новгород не оставлял без внимания попытки соседних государств отторгнуть и закрепитись на русской земле и незамедлительно принимал ответные меры, систематически укрепляя свои северо-западные рубежи. Важной крепостью Новгорода на севере стала Старая Ладога, первая каменная крепость Древней Руси, построенная еще во второй половине IX века. В начале XII века она была значительно расширена и укреплена посадником Павлом: за счет крупных каменных плит и булыжника толщина крепостных стен доходила до 7 метров. В 1164 году старолadoжская крепость успешно отразила шведский десант с Ладожского озера (55 шведских судов — шнеков). Новгородская рать, подоспевшая на помощь ладожанам, разбила захватчиков.

В 1239 году новгородский князь святой Александр Невский поставил крепость («городец») на реке Шелони. Укрепленная линия таких «городцов» (Порхов, Опока, Свинорд и др.) стала надежным оборонительным заслоном (см. 13).

Акты агрессии со стороны немецких рыцарей во второй половине XIII века побудили новгородского князя Дмитрия Александровича возобновить (сначала в дереве, а затем в камне) крепость в Копорье (после 1280 года). Мощной крепостью стал город Псков, младший брат Новгорода. Его каменные стены к концу XIII века охватывали площадь около 40 000 квадратных метров (14, с. 118).

Таким образом, благодаря росту и усилению Новгорода в XII—XIII веках, северо-западные рубежи нашей Родины остались в составе России. Новгород Великий сумел остановить экспансию немецких рыцарей на Восток, Шведских — на Юг. Передовая военная и гражданская культура Новгорода этого периода, его внутреннее, духовное единство, вдохновляемое Русской Православной Церковью, его высокое общественно-политическое и национально-религиозное сознание «позволили выступить против высокой военной техники агрессора и доказать, что Русская земля не может быть объектом для колонизации иноземных завоевателей» (14, с. 147).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Мерило, подразделенное на 21 часть, давало возможность древнерусскому зодчему переводить окружность и отрезки окружности, дуги в линейные меры. Наличие трех шкал на мериле позволяло переводить в линейные меры дуги с радиусом в мерную или в прямую сажени или в великую полусажень... Линейное мерило, являющееся знаменателем π (66/21), вводит нас в интересный раздел зодческих расчетов начала XIII века, так как позволяет ответить на не решенный до сих пор вопрос о методах измерения окружности и ее частей» (45, с. 116, 118).

² В 1929 году по решению ВЦИК Софийский собор был превращен в музей. В годы Великой Отечественной войны он сильно пострадал от немецких оккупантов: своды и стены получили пробиты от снарядов, с куполов были содраны позолоченные листы. В послевоенные годы собор удалось реставрировать, но многие фрески погибли безвозвратно.

³ Особенностью новгородских миниатюр с изображением святых евангелистов Матфея, Марка и Луки является присутствие аллегорической фигуры Софии Премудрости Божией (вдохновляющей святых), изображенной в образе бескрылого Ангела в восьмиугольном крестчатом нимбе. Современный исследователь Э. С. Смирнова отмечает (вслед за Н. В. Покровским), что византийская иконография таких изображений не знает, но, вероятно, они существовали: «Не они ли отразились в европейских произведениях типа «Луки» Яна Госсарта, с крылатой музой [1521 г., Венская национальная галерея]?» («Древнерусское искусство. Вып. 3. М., 1983, с. 191).

Укажем также на фреску храма Одигитрии в югозападном г. Печ и другие изображения, позволяющие высказать предположение о взаимовлиянии европейского и новгородского искусства.

⁴ Трудно, однако, согласиться с утверждением А. И. Кочема, что храм Благовещения на Городище (начатый в 1103 г.) возводили не местные, новгородские зодчие, а пришлые зодчие из Киева или Переяславля (28, с. 46). Хотя со времени окончания строительства Софийского собора в Новгороде прошло 50 лет, на что указывает исследователь, но это вовсе не означает, что за такой сравнительно короткий исторический срок (менее жизни одного поколения) была нарушена преемственность и утрачена живая традиция.

⁵ Храм Николая на Липне был до основания разрушен в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время храм восстановлен, за исключением фресок.

⁶ По всей вероятности, мост через Волхов существовал и ранее, но был деревянным или понтонным; кроме того переправа через Волхов осуществлялась с помощью паромов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Новгородские летописи (1-я, 2-я, 3-я).— «Полное собрание русских летописей» [ПСРЛ], т. 3. СПб., 1841.
2. Новгородская летопись 4-я.— ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848; 2-е изд. Пг., 1915.
3. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
4. Краткое историческое описание святыни Новгородской. СПб., 1850.
5. *Архимандрит Макарий (Миролюбов)*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т. 1—2. М., 1860.
6. *Толстой М.* Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862.
7. *Священник Гавриил Краснянский*. Краткий очерк Новгородского Софийского собора и перечень святынь и древностей оного. Новгород, 1875.
8. *Кожевников В. А.* Северо-русские думы и впечатления.— «Русский Вестник», 1899, № 10, с. 480—481.
9. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом П. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899.
10. *Гедевский А. В.* Историческая справка о монастырях Новгородских.— «Труды Новгородского церковно-археологического общества». Т. 1. Новгород, 1914.
11. *Муравьев М. В.* Новгород Великий. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1927.
12. *Дмитриев Ю. Н.* К истории Новгородской архитектуры.— «Новгородский исторический сборник». Вып. 2. Л., 1937, с. 116—123.
13. *Богусевич В. А.* Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладогги, Порхова и Копорья. Новгород, 1940.
14. *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947.
15. *Вайнштейн О. Л.* Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в Средние века.— «Вестник Ленинградского университета», 1950, № 5, с. 61—70.
16. *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959.
17. Новгород. К 1100-летию города. Сб. статей под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
18. Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. Сб. статей. М., 1968.
19. *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М., 1970.
20. *Лихачева В. Д. и Лихачев Д. С.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.
21. *Кушнир И. И.* Новгород. Изд. 2-е, дополн. Л., 1972.
22. *Каргер М. К.* Новгород. Памятники архитектуры XI—XVII веков. Л., 1975.
23. *Рыбаков Б. А.* Мерило Новгородского зодчего XIII в.— «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., изд. АН СССР, 1975 (перепечатано в [45], с. 105—118).
24. *Гормин В. В.* Ярославово дворище и древний Торг. Л., 1976.
25. *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976.
26. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
27. Византийское и древнерусское искусство. Сб. статей. М., 1978.
28. *Кочеч А. И.* Два направления в новгородской архитектуре начала XII в.— В кн.: «Средневековое искусство. Русь и Грузия». М., 1978, с. 45—62.
29. *Орлова М. А.* О традиции наружных росписей древнерусских храмов XI-рубежа XV—XVI вв.— Там же, с. 106—117.
30. *Вязинин И. Н.* Старая Русса. Изд. 3-е. Л., 1980.
31. *Каргер М. К.* Новгород. Художественные памятники XI—XVII веков. Изд. 4-е, дополн. Л., 1980.
32. *Попова О. С.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV века. М., 1980.
33. *Булкин В. А. и Овсянников О. В.* По Неве и Волхову. Л., 1981.
34. *Колчин Б. А., Хоросhev А. С. и Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

35. Пилецкий А. Симметрии и пространства древнерусской архитектуры.— «Архитектура СССР», 1981, № 12, с. 43—47.
36. Кушинир И. И. Архитектура Новгорода. Л., 1982.
37. Никитина Ю. И. Софийский собор в Новгороде. Л., 1982.
38. Пескова А. А., Раппопорт П. А. и Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы.— «Советская археология», 1982, № 3, с. 35—46.
39. Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества.— В кн.: «Новгородский исторический сборник». Вып. 1 (11). Л., 1982, с. 189—202.
40. Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1983.
41. Древнерусское искусство. Рукописная книга. Вып. 3. М., 1983.
42. Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв.— В кн.: «Русский город. Исследования и материалы». Вып. 6. М., изд. МГУ, 1983, с. 4—36.
43. Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983.
44. Никитин В. А. Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского.— «Богословские труды», сб. 24. М., 1983, с. 260—306.
45. Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М., изд. МГУ, 1984.

(Окончание следует)
